

Иван Быкович

Русская народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею, детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление. Помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею попался златопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёрого с рук на руки.

— На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

У царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван, кухаркин сын, у коровы — Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит бельё переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят:

— Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов, те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами её повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — давайте силу пробовать, кому быть большим братом.

— Ладно, — отвечал Иван Быкович, — бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина сына, да Ивана Быковича по

плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею.

— Давайте, — говорит царевич, — ещё силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат.

— Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван, кухаркин сын, бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась.

— Ну, Иван Быкович, будь ты большой брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

— Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? — сказал Иван-царевич, упёрся в него руками, возился, возился — нет, не берёт сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

— Мелко же вы плаваете! Пстойте, я попробую.

Подошёл к камню да как двинет его ногою — камень ажно загудел, покотился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырских, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

— Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатых коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и приехали в дремучий лес. В том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо — поворачивается.

— Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок.

— Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

— Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси, куда едем мы. Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

— Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живёт.

— Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему бе-

регу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в неё — пустёхонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

— Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою, давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану, кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся: как пошло время за полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт¹ ощетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ощетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился. Я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

— Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать, не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай

---

¹ Хорт — борзая собака, ловчая.

лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

— Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

— Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся: как пошло время за полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошестинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли

родился — так на войну не сгодился. Я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

— Погоди — не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо — чья возьмёт!

Как махнёт богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

— Что, брат, не видал ли за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

— Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

— Я на страшный бой иду, а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — все ничего, а если че-

рез край польёт — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые. Едет чудо-юдо, вдруг под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился. Я только дуну — его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович.

— Погоди — не хвались, прежде богу помолись!

— А, ты здесь! Зачем пришёл?

— На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

— Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

— Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не пада-

ли! Плохо пришлось Ивану Быковичу, чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

— Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замирение делают, а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился, Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

— А! — говорит чудо-юдо. — Ты обманом живёшь, у тебя помочь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами, а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсёк чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал всё в реку Смородину.

Прибегают братья.

— Эх вы, сони! — говорит Иван Быкович. — Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранёшенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать:

— Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

— Не горюй, матушка! Мы ему за всё оплатим, — говорят чудо-юдовы жены.

— Вот я, — говорит меньшая, — напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт — тот сейчас лопнет.

— А я, — говорит середняя, — напущу жажду, сама сделаюсь колодезем, на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся — того я утоплю.

— А я, — говорит старшая, — сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою: кто на кроватке ляжет — тот огнём сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь — стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками. Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест — только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем и с золотую кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями, она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу:

— Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берётся за деньги, а берёт его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому старику.

— На тебе, — говорит, — нашего погубителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

— Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами, старик взглянул:

— Ай да молодец Ванюша! Да что ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

— Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на всё готов.

— Ну да что много толковать, ведь детей не поднять. Сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу — золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

— Вот тебе, Ванюша, дубинка, — говорит старик, — ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришёл к дубу, ударяет в него дубинкою бессчётное число раз и приказывает:

— Все, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

— Все за мной! — и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все

его хвалят, все благодарят. Подъезжает к нему старичок в лодке:

— Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

— Фу, пропасть! Я и сам на это горазд. Однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает в лодке другой старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, вино-пиво пить.

— Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

— Говори, что умеешь?

— Я, батюшка, умею в бане париться.

— Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого, а тут ещё лодка подъехала, говорит четвертый старичок:

— Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

— Да ты кто такой?

— Я, батюшка, звездочёт.

— Ну, уж на это я не горазд, будь моим товарищем.

Принял четвёртого, просится пятый старичок.

— Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей, что умеешь?

— Я, батюшка, умею ершом плавать.

— Ну милости просим!

Вот поехали они за царицей — золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, необычное государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целых три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива, удивляется и спрашивает:

— Что б это значило?

— Это все для тебя наготовлено.

— Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

— Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

— Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

— А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Всё приел и ну кричать:

— Мало хлеба, давайте ещё!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, все выпил и бочки проглотил.

— Мало, — кричит. — Подавайте ещё!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица — золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться. Он увидал, что от бани огнём пышет, и говорит:

— Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

— Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

— Я, батюшка! Моё дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит.

— Ох, батюшки, замёрз, топите ещё три года! — кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замёрзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу — золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой, вдруг ей сделалось грустно, тяжело — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

— Ну, — говорит Иван Быкович, — совсем пропала! — Потом вспомнил: — Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочёт?

— Я, батюшка! Моё дело ребячье, — отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звёзды. Одну нашёл лишнюю и ну толкать её! Сорвалась звёздочка со своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею — золотые кудри.

Опять едут день, едут другой. Нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» — думает Иван Быкович, да

вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

— Ты, что ль, горазд ершом плавать?

— Я, батюшка, моё дело ребячье! — Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай её под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею — золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились, а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею — золотые кудри. Тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы чёрные. Глянул на царицу и говорит:

— Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

— Нет, погоди, — отвечает Иван Быкович, — не подумавши сказал!

— А что?

— Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жёрдочка: кто по жёрдочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет!

— Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед.

Иван Быкович пошёл по жёрдочке, а царица — золотые кудри про себя говорит:

— Легче пуху лебединого пройди!

Иван Быкович прошёл — и жёрдочка не погнулась, а старый старик пошёл — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу — золотые кудри и воротился домой, скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

— Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

Морозко

Русская народная сказка

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её глядят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, всё не так, всё худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в тёплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!» Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повёз бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая, трясётся и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» — «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз хотел её тукнуть и заморозить; но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подождмала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» — «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз пришёл совсем не по душу, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов. «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь». Старик поехал. А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» — «Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» Старуха и блины

давала, и била её, а собачка всё своё: «Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!»

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук, высокий, тяжёлый, идет падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь! «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место». Повез старик на то же поле, посадил на то же место. Пришел и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил её и убил. «Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!» — «Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!» Растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо её обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Хитрая наука

Русская народная сказка

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмёт кто в ученье. Нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повёл сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил, водил сына, никто не берёт без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном, да смотри: коли не просрочишь — придёшь вовремя да узнаешь своего сына — возьмёшь его назад, а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живёт и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошёл домой. Пришёл домой в радости, рассказал обо всём бабе, а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем забыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошёл в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходиться; и рассказал, куда за ним приходиться и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке, есть, — говорит, — ещё одиннадцать работников, навсегда при нём остались — оттого, что родители не смогли их признать. И только ты меня не признаешь, так и я останусь

при нём двенадцатым. Завтра, как придёшь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону и собой ровны. Как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня.

Рассказал всё это, распростился с отцом и пошёл из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошёл за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все, как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет ещё, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правую ногу, сейчас показал на него:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошёл мимо молодцев — ничего не приметил, в другой прошёл — тож ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка, — говорит сын, — я сейчас сделаю собакою. Барин станет покупать

меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай, не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведёт собачку, зачал её торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин даёт за неё сто рублей, а дед просит триста. Торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублёв.

Только стал было дед снимать ошейник — куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал, — говорит дед, — я продал одну собачку.

А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал её с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошёл домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись — бежит навстречу заяц.

— Что, — думает барин, — али выпустить собачку за зайцем да посмотреть её прыти?

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал её барин, не дождался и поехал ни при чём.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идёт дорогою, идёт широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкой, понеси меня на базар и продай. Только клетки не продавай, не то домой не ворочусь.

Ударился оземь, сделался птичкой, старик посадил её в клетку и понёс продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалась!

Пришёл и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот даёт дорого, другой даёт дорого, а он дороже всех. Продал ему старик птичку, а клетки не отдаёт. Колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берёт!

Взял одну птичку, завернул в платок и понёс домой.

— Ну, дочка, — говорит дома, — я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет — улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошастью. Смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадью. Повел её дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот даёт дорого, другой даёт дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продал лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привёл коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка, — рассказывает опять колдун, — вот когда купил, так купил нашего шельмеца.

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть. Жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошёл вёрсты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка, — говорит, — прости! Грех меня попутал, конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит!

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою.

Ёрш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы бельё моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

— Отдай, — пристаёт к ней, — моё золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

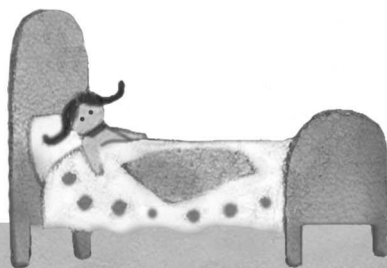
Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зёрнами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал — одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!

Тем сказке конец, а мне водочки корец¹.

---

¹ Корец — ковш.

Детства
счастливые годы...

Волшебные краски

Один раз в сто лет самый добрый из всех добрых стариков — Дед Мороз — в ночь под Новый год приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать всё, что захочешь, и нарисованное оживёт.

Хочешь — нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь — нарисуй корабль и плыви на нём... Или звездолёт — и лети к звёздам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще, например стул, — пожалуйста... Нарисуй и садись на него. Волшебными красками можно нарисовать что угодно, даже мыло, и оно будет мылиться. Поэтому Дед Мороз приносит волшебные краски самому доброму из всех самых добрых детей.

И это понятно... Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке — они могут натворить много бед. Стоит, скажем, этими красками пририсовать человеку второй нос, и он будет двуносым. Стоит пририсовать собаке рога, курице — усы, а кошке — горб, и будет собака — рогатой, курица — усатой, а кошка — горбатой.

Поэтому Дед Мороз очень долго проверяет сердца детей, а потом уже выбирает, кому из них подарить волшебные краски.

В последний раз Дед Мороз подарил волшебные краски одному самому доброму из всех самых добрых мальчиков.

Мальчик очень обрадовался краскам и тут же принялся рисовать. Рисовать для других. Потому что он был самый добрый из всех самых добрых мальчиков. Он нарисовал бабушке тёплый платок, маме — нарядное платье, а отцу — новое охотничье ружьё. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам — большую-пребольшую школу...

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер... Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день... Он рисовал, желая людям добра. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Но...

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок, нарисованный бабушке, был похож на тряпицу для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пёстрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружьё ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того ужасной, что к ней боялись подходить близко. Падающие стены. Крыша набекрень. Кривые окна. Косые двери... Страшилище, а не дом. Уродливое здание не захотели взять даже для склада.

Так на улице появились деревья, похожие на старые метёлки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с какими-то странными кругляшками вместо колёс, самолёты с тяжеленными крыльями, электрические провода толщиной в бревно, шубы и пальто, у которых один рукав длиннее другого... Так появились тысячи вещей, которыми нельзя было воспользоваться, и люди ужаснулись.

— Как ты мог сделать столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать счастливыми людей, но, не умея рисовать, он зря извёл краски.

Мальчик плакал так громко и безутешно, что его услышал самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед Мороз. Услышал и вернулся к нему. Вернулся и положил перед мальчиком краски.

— Только это, мой друг, простые краски... Но они могут стать волшебными, если ты этого захочешь...

Так сказал Дед Мороз и удалился...

Прошёл год... Прошло два года... Прошло много и очень много лет. Мальчик стал юношей, потом взрослым человеком, а потом стариком... Он всю жизнь рисовал простыми красками. Рисовал дома. Рисовал лица людей. Одежду. Самолёты. Мосты. Железнодорожные станции. Дворцы... И пришло время, настали счастливые дни, когда нарисованное им на бумаге стало переходить в жизнь...

Появилось множество прекрасных зданий, построенных по его рисункам. Полетели чудесные самолёты. С берега на берег перекинулись новые мосты... И никто не хотел верить, что всё это было нарисовано простыми красками. Все их называли волшебными...

Так случается на белом свете... Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной... Так случается со всем, к чему прикасаются руки самого великого волшебника из самых великих волшебников — руки трудолюбивого человека...

Торопливый ножик

Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

— Как же это так? — спрашивает Митю отец.

— Ножик плохой, — отвечает Митя, — косо строгают.

— Да нет, — говорит отец, — ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

— А как? — спрашивает Митя.

— А вот так, — сказал отец.

Взял палочку да принялся её строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

СОФЬЯ МОГИЛЕВСКАЯ

Лето в Крёкшине

НА ДАЧУ В КРЁКШИНО

Было это давно-давно, в 1909 году. Я была ещё совсем маленькой девочкой, мне минуло тогда шесть лет. У меня был брат Гриша и младшая сестрёнка Женя.

Каждое лето наша семья уезжала на дачу в подмосковную деревню Крёкшино. Там родители снимали небольшой домик.

А в Крёкшино мы собирались так. Рано утром туда отправлялся огромный воз с вещами. На возу, устроившись на чём-нибудь мягком, отбывала наша няня.

И для нас с братом наступала вольная волюшка! Няни нет, отец и мама, каждый по-своему, заняты сборами в дорогу, а мы — бегай, носись, веселись, прыгай, скачи, кричи — всё можно! Комнаты, из которых многие вещи уехали на возу, стали непривычно просторные, светлые, гулкие.

А после обеда на вокзал отправляемся и мы. Едем на извозчике. В извозничьей пролётке¹ нас шестеро. На переднем сиденье мама с маленькой сестрёнкой на руках, рядом отец; между колен он держит свою виолончель. Ведь он музыкант, виолончелист. Он занимается каждое утро, не пропуская ни одного дня. И на даче он будет тоже по утрам играть на виолончели.

А на откидной узкой скамеечке, лицом к маме и папе, сидим я и мой брат Гриша. Мы крепко вцепились руками в эту скамеечку. Булыжная мостовая в ухабах, пролётку потряхивает, мы боимся упасть.

Теперь сядешь на метро, и через каких-нибудь десять-пятнадцать минут вот он и Киевский вокзал!

А во времена моего детства путь туда был долгим, медленным и утомительным. К концу

---

¹ Пролётка — открытый четырёхколёсный двухместный экипаж.